Дай Бог, чтобы появлялись такие произведения, чтобы появлялись такие герои, которые своей святостью будут впечатлять современного читателя, чтобы святость стала не чем-то канонически изображенным на фресках и не всегда понятным современному человеку, но чтобы святость стала желанной, чтобы она становилась целью, чтобы к достижению святости устремлялись люди. А для этого нужно научиться изображать святость в художественной литературе.

Из выступления Святейшего Патриарха Московского и всея Руси Кирилла на церемонии вручения Патриаршей литературной премии имени святых Кирилла и Мефодия 28 мая 2015 г.

Читать этот роман непросто. И дело вовсе не в тяжеловесности его языка и стиля, как сразу подумают многие. Напротив, язык — выразителен и прост, стиль динамичен, лишен сюжетных провисаний, а внезапная смена событийных планов, подчиненная своеобразному ритму, придает повествованию известную кинематографичность. Уже сам заголовок «Становящийся смысл» нацеливает на глубокое, вдумчивое постижение описываемой действительности и за-

тем — по мере движения вперед — на драматичное осознание множества религиозных, философских, этических, нравственных, бытовых проблем, которые в обычной на первый взгляд судьбе отдельного человека нередко завязываются в тугой коварный узел, оглушают и загоняют в тупик трагических утрат и лишений, угнетают тягостными сомнениями с последующими лихорадочно-безрассудными метаниями в поисках выхода, а в историческом бытии русского народа оборачиваются всплесками хаоса и социальными катастрофами. И лишь в лоне православной веры, в Христовой Церкви обретается гармония осмысления явленных в земной юдоли кричаще-противоречивых начал, потрясающих безнадежностью ситуаций, вызывающих ропот у тех, кто не знает или не взыскует Божественной истины, — так можно очертить концептуальную основу романа. «Разум — это свет, это Истина Христова», — утверждает писатель, и с первых же страниц ведет к ней читателей. Кто захочет следовать за ним, кто отступит, кто дойдет?..

Фабула романа вращается вокруг строительства храма Михаила Архангела в Липецке, его главный герой — сам автор, выведенный под именем священника, отца Евгения; оставив мирские занятия, он немало лет служит Богу искренне и самозабвенно. Характер, убеждения, чувственная сфера отца Евгения раскрываются в общении со множеством людей, разных по социальному и имущественному положению, но ведущая и лучшая черта его личности видится сразу. Это — сострадание ближнему, которое для отца Евгения и потребность, и благо, и долг; он готов помогать всем, кто к нему обращается, в любое время дня и ночи. Служение его связано не столько с благодеяниями дарителей и жертвователей, с истинно верующими прихожанами, сколько с печальной стороной жизни — старостью, одиночеством, болезнями, страданиями, смертями, отпеваниями и похоронами. Отцу Евгению приходится исповедовать наркомана, маньяка, преуспевающих бизнесменов, эмигрантку, уехавшую за ловлей счастья в США, где ее настиг фрустрационный кризис, совершать церковные таинства над умирающими детьми... Писатель достигает подлинного мастерства в обрисовке характеров даже второстепенных и эпизодических персонажей, используя целый спектр приемов психологического анализа: внутренний монолог, внимание к оттенкам душевных состояний, эмоционально насыщенные детали, интерпретацию поведения и мимики. Не кончается поток исповедующихся, и каждого надо понять, каждому сказать целительные и убедительные только для него слова. Однако не всегда священник добивается того, чтобы рассказывающий о совершенных грехах человек взаправду раскаялся и попытался изменить и себя, и жизнь или хотя бы повернулся к добру. Из-за слепой ревности, «деспотизма любви» после исповеди совершит самоубийство еще молодой Рустик. А отец Евгений, остро переживая случившееся, винит себя в самонадеянности: забыл, что «человек может быть обольщен собой»; итог его раздумий выстрадан и честен:

«Мы, священники, думаем, что имеем власть над современными людьми. Что мы сакральные существа, слова и наставления которых воспринимаются как руководство к жизни. И вот это обольщение властью порой ослепляет нас, делает близорукими. Мы склонны думать, что поставлены быть отцами по статусу своего положения. Но отцовство следует заслужить аскетическим подвигом и страданием. Послушание отцовству не по статусу положения, а по существу складывается из доверия людей к человеку, посвятившему свою жизнь служению. Тогда возникает желание подчиниться, как подчиняются любви, красоте, добру».

Многим священнослужителям стоит взять это за незыблемый закон духовного делания...

* * *

Дорога к становлению смысла начинается с понимания того, что писатель определил как «царское церковное сознание», от века заложенное и неуничтожимое в нашей ментальности; именно оно формирует принципиально иное мировидение. Так закладывается православно-философский фундамент романа:

«Представь себе картину, мой мальчик, твердый камень это — Святейший Патриарх, на нем все стоит, все держится, а круги, расходящиеся от этого главного камня при соприкосновении с водой, — это все мы, кто на каком круге. Кто ближе, кто дальше. Так вот, этот мальчишка в наушниках может быть на самом последнем круге. Он ничего не знает, кроме своего рэпа. Но и он включен в это Царское церковное сознание, в эту полноту жизни. Потому что там, на камне, где стоит Святейший, и проходит ось мироздания, и вокруг этой оси все вращается».

Если трансформировать предложенную метафору, то для всех, приходящих к отцу Евгению, он — тоже ось одного из небольших кругов мироздания, и ее устойчивость и устремленность к Небесному упрочивают веру окружающих. Автобиографическая исповедь главного героя — мировоззренческая доминанта и стержневая сюжетная линия романа. Содержательно-композиционное ядро ее заключено в письмах отца Евгения к сыну Ивану, которые периодически, но органично останавливают общий ход событий. Эти откровения, поразительные по интеллектуальной весомости и мощи нравственного воздействия, то лирические, то философские, но всегда по-доброму поучительные и подчеркнуто-доверительные, дают возможность читателю остановиться и подумать уже с иных — надмирных — высот разума о болевых точках и дисгармонии текущей жизни, оценить свои поступки, пересмотреть мнения, а писателю — донести до него размышления о сущности христианского вероучения, о национальной истории, о русском народе, в менталитете которого смешаны созидательная энергия и стихия разрушения, изначальная святость и порывы безверия, о подоплеке дьявольских деяний — и о многом другом, ведущем к осознанию конечного смысла мира как Церкви. Автор последователен в данном стремлении: а поскольку все им изображенное — от закладки храма до прозрения отцом Евгением реальности бессмертия души в финале романа — воссоздано в пределах христианской картины мира, утверждающей всеобщий онтологический статус Бога и спасение души в вечности, то будет справедливым отнести «Становящийся смысл» к произведениям духовного реализма, основа которого — «духовная вертикаль», «художественное восприятие и отображение реального присутствия Творца в мире» (А. Любомудров).

Сплав душеполезной прозы и интимного дневника — отцовские письма — целый кладезь благодатных проповедей, чистосердечных практических советов, которые принимаются и усваиваются не под нажимом назидательности, а по причине бескорыстной убедительности, доброжелательной и верной аргументации, чей вечный источник — евангельская мудрость. Спокойные, заветные и я бы даже сказал нежные разговоры «по душáм» отца с сыном, наполненные особенной чувственной логикой, подвигают к созиданию «становящегося смысла — церкви Христовой» в себе самом. «Не знаете ли, что тела ваши суть храм живущего в вас Святого Духа, Которого имеете вы от Бога, и вы не свои?» (1 Кор. 6:19). И в этих письмах, и в исповедальных диалогах обретают явь и словно осветляются суть благочестия («таинственного ресурса»), совести, любви, безграничной во внешних нюансах, но единой по внутренней сути («надо любить человека не для себя, а для него»), мера ответственности за свободу личного выбора, необходимость получения знаний и самосовершенствования, подводные камни во взаимоотношениях детей и родителей, истина веры

и истина разума («ум Христов»), дополняющие друг друга. Предостережением и пророчеством звучат слова о жгучих и страшных проблемах дня сегодняшнего — о «бесчувственности к силам зла», о «религии золотого тельца», которая, завладев на рубеже тысячелетий миллионами людей, уводит их все дальше от религиозного сознания к небытию и смерти:

«Я знал, что все потеряно, что процесс деградации современного человечества настолько велик, что исправить его, остановить падение человека сможет, пожалуй, только глобальная катастрофа. Потому что современное человечество находится уже в сновидениях ада. Только перед лицом реальных страданий может опомниться человек».

Жутко представить, что есть «духовная смерть личности»...

Помимо Библии, святоотеческих трудов и житий святых, писатель апеллирует к классикам русской и зарубежной литературы — А. Пушкину, Ф. Достоевскому, Л. Толстому, Ф. Тютчеву, В. Шекспиру, Н. Гоголю, С. Есенину, упоминает по конкретным поводам З. Фрейда, М. Пруста, Г. Гессе, религиозного философа Вл. Соловьева, иллюстрирует рассуждения фактами истории (я с радостью обнаружил в книге тверскую ниточку: одна из героинь романа была прямым потомком знаменитого анархиста Михаила Бакунина, чья родовая усадьба Прямухино находилась в Тверской губернии), культурными и политическими параллелями между прошлым и настоящим и даже медицинскими реалиями, что позволяет выделить в содержании романа культурологический аспект.

* * *

Надо обладать очень большим мужеством, чтобы публично снять покров с участи таинства священства: принести в «воцарившийся мрак страдания присутствие Божье через свой облик, через слово, через любовь и заботу, принести надежду». А если надежда не сбывается, как в случае с Наталией, матерью измученного болезнью маленького Илюши, чья короткая жизнь на Земле вся превратилась в сплошное страдание? Его история — самая щемящая и надрывная в романе. Или если кто-то сомневается, а то и просто отвергает возможность допущения Божьего присутствия внутри себя, желая оставаться во власти прежних соблазнов и новых грехов? Отец Евгений не снимает с себя личной ответственности за всякое действие, за всякое слово, за всякую мысль. Он — живой человек, без позы и ханжества. Ни грана самолюбования, лишь сострадательность, смирение и кротость, но иногда и отчаяние, нервная саморефлексия, боли в сердце из-за необходимости едва ли не каждодневно пропускать через себя чужое горе:

«Но когда настоящая беда хватает человека, несет его в темноту и держит, превращая все его существо в одну сплошную оголенную боль, тогда не работают никакие теоретические рассуждения на тему промысла Божьего, вины родителей, жизни будущего века и так далее. Тогда нужно что-то другое. И это другое подобно сошествию в ад. Надо идти вместе с ними, со всей своей любовью, со всем своим состраданием, на которые ты только способен, идти в их жизнь, как друг, как отец, как священник. Надо этих людей выделить, как единственных сейчас в твоей жизни, как самых родных, самых дорогих и близких. Взять на себя их боль».

Поэтому отец Евгений, «находясь на границе жизни и смерти, света и тьмы, времени и вечности», достойно исполняет пастырский долг — направляет человека на путь спасения души. Неизбежное горе — смерть горячо любимой и почитаемой матери — падает на него великой скорбью, переданной с удивительной тонкостью и эмоциональной глубиной. Главному герою тоже постоянно нужны понимание и поддержка. Конечно, духовные силы отец Евгений черпает прежде всего в Священном Писании, но он не

один: в романе мы встречаем целую галерею подвижников веры, ярких образцов святости в женской и мужской ипостаси: монахиня Тавифа, инокиня Неонила, игуменья Любовь, схиигуменья Дорофея, архимандрит Кирилл, отец Владислав, отец Серапион. Подробно, с проникновенной любовью прорисован образ девушки Веры (имя, конечно, не случайное), показано, как меняется ее богатый внутренний мир. Вера постепенно приблизилась к Церкви, прониклась истиной и красотой православия в общении с отцом Евгением; он же в свою очередь духовно обогащается, видя, как всесторонне преображает человека обретение им «становящегося смысла».

Аналоги образа отца Евгения (он не автопортрет) в современной российской прозе едва ли отыщутся, поэтому я с полным правом считаю его художественным открытием писателя, плодотворно развивающего литературную традицию «диалектики души».

* * *

Важное качество романа — полемичность. На всем его протяжении отец Евгений познает и себя, размышляет о священническом труде, критически оценивает собственную деятельность. Прежде чем наставлять людей писатель-священник должен доказать истинность всего того, что он стремится посеять в людских умах и сердцах как служитель Бога, самому себе. Ему приходится спорить как с сыном, наталкиваясь на стену непонимания с его стороны, так и с самим собой, со своим alter ego. Споры эти порою напряженны и тяжки, но и полезны, ибо укрепляют веру опровержением того, что ее умаляет и искажает, поддерживают необходимое «бодрствование в духе». Совершенное неопровержимое доказательство — воспитание и убеждение сына личным примером (вера без дел мертва есть) — приносит благодатные плоды.

«Непризнание авторитетов, отказ от всего священного, попрание преданий, неуважение к духовному опыту отцов и великих учителей, забвение уроков истории — вот характерные черты современности», — роковая, более чем однозначная оценка нашего века. Ее, безусловно, примут в штыки апологеты идеологии потребления. Поэтому писатель ведет в романе одновременно и мировоззренческую полемику, вступив в духовную битву с ярыми и агрессивными отрицателями православных ценностей, что крайне важно на фоне сложной социально-нравственной обстановки в российском обществе. Насильственное внедрение западных и американских аксиологических стандартов в нашу культуру, в массовое сознание нарастает по всем информационным каналам, а в отношении молодежи — с утроенным натиском. Последний фактор губителен еще и потому, что восьмой смертный грех — «грех неведения», когда «русские не понимают самих себя», приведет к плачевному результату — уничтожению христианской цивилизации и «смерти души для вечной жизни». Писатель, рискуя навлечь на себя шквал окриков и упреков, смело и прямо бьет по «русским псевдопатриотам», которыми «культивируется миф, фантом о предопределении русской судьбы»:

«"Умом Россию не понять"! — восклицают они во все времена, не понимая, что в словах этих выразилось отчаяние поэта, а не убежденность в том, что, что бы ни происходило, Бог спасет Россию».

Альтернатива — *«утверждать понимание России как национальную добродетель»*, осуществить на практике *«гармонию закона совести и юридического закона»*.

Роман адресован широкой аудитории, но на освоение его идейного спектра существенно повлияет степень близости конкретного читателя к Церкви, его осведомленность в православной антропологии и христианских догматах, которые должны подпитываться жизненной конкретикой. Иначе существует опасность их восприятия как чего-то схоластического, абстрактного, оторванного от повседневности. Автор в

значительной мере преодолел эту опасность, хотя прочтение и понимание отдельных мест может вызвать трудности, например, разъяснения о Крови Христовой и о крови нашего народа, в которой «продолжают сохраняться программы и коды идеологии бессмертия». Или обширный фрагмент о Писании, Предании и деле, взятый из работы «Церковь одна» А. Хомякова, ведущей фигуры раннего славянофильства. Последующее его толкование явно не помешало бы, тем более, если учесть, что мышление нынешней молодежи изрядно деградировало вследствие достижений технического прогресса.

* * *

...Сияют золотом купола вновь возведенного храма, начинавшегося с брезентовой палатки, праздничное торжество от нового воплощения Божественной гармонии, средоточия духовности и красоты, разлито вокруг. Сколько людей обрели и еще обретут «становящийся смысл» в самих себе!

Роман-исповедь завершается жизнеутверждающим аккордом, содержащим и предупреждение, ибо зло в этом мире остается:

«И тот, кто выбирает зло, выбирает смерть, находится вне Бога, вне творения, вне жизни! А кто пребывает в любви, тот пребывает в Боге и принадлежит бессмертию!»

Проницательный и теплый роман вселяет твердую, светлую веру в то, что не все потеряно, если избрать жизненными принципами и нравственными императивами вечные, несокрушимые христианские ценности. Дальнейшее зависит исключительно от личного выбора каждого из нас.